

На правах рукописи

Воробьева Эвелина Александровна

**РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904-1905 ГОДОВ
И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ВЕДУЩИХ МЕСТНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск 2009

Работа выполнена
в секторе истории второй половины XVI – начала XX в.
Института истории СО РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор **М.В. Шиловский**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор **Н.Н. Родигина**
кандидат исторических наук, доцент **Н.Б. Симонова**

Ведущая организация: **Новосибирский государственный университет экономики и управления**

Защита состоится 21 декабря в 14.00 на заседании диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 003.030.01 при Институте истории СО РАН по адресу: г.Новосибирск, ул. академика Николаева, 8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН

Автореферат разослан « » ноября 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

Н.П. Матханова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. Русско-японская война 1904-1905 гг. с самого начала привлекла к себе пристальное внимание исследователей. Однако из всех возможных аспектов конфликта больше всего «повезло» военному и политическому, а проблема его влияния на общественное сознание России осталась на периферии научного анализа. Между тем, исследование общественного сознания, общественного мнения периода Русско-японской войны позволяет глубже и полнее уяснить особенности ведения боевых действий со стороны Российской империи и ее итоги, трансформацию массового сознания за время войны, в условиях, когда состояние кризиса в стране переросло в полномасштабную революцию.

Весьма важно, что в период Русско-японской войны со стороны правящих кругов была впервые предпринята широкомасштабная попытка целенаправленного формирования общественного мнения; поэтому раскрытие механизмов его формирования, анализ выбранной правительством стратегии позволяет по-новому взглянуть на многие события конфликта, дать им более адекватную оценку. Как нам представляется, именно неудачная попытка правящих кругов продемонстрировать обществу «маленькую победоносную войну» сыграла свою роковую роль в восприятии власти как таковой.

Тема влияния Русско-японской войны на общественное мнение взята нами применительно к Сибири и Дальнему Востоку, так как именно на этот регион пришлось основные тяготы военных действий в Манчжурии. Показательно, какие именно проблемы и темы, вызванные войной, оказались в центре общественного внимания. Анализ основных форм проявления общественного мнения Сибири и Дальнего Востока того времени, анализ факторов, влиявших на общественное сознание сибиряков и дальневосточников, позволяет выявить те аспекты в восприятии обществом вооруженного конфликта, которые обычно оказываются обойденными исследователями. В частности, это позволяет объяснить, почему война, ставшая полностью непопулярной, продолжала оставаться народной по своему характеру.

Степень изученности темы. В целом отечественная историография Русско-японской войны 1904-1905 гг. включает в себя три этапа: *дореволюционный, советский и постсоветский*. Для первого было характерно сосредоточение внимания на военных и прикладных аспектах конфликта, попытки «свести счеты». Оценки отношения к войне в общественном сознании соответствовали идейному разлому русского общества по отношению к вопросу дальнейшего развития страны.

Для второго этапа характерна идеологизированная проблематика, подчеркивание империалистического характера войны, классовый подход; в отношении изучения общественного сознания изучаемого события характерно отсутствие альтернатив, сведение проблемы его формирования и проявления к деятельности РСДРП.

В постсоветское время развития отечественной историографии произошло расширение предмета исследования, возникли альтернативные точки зрения как на историю конфликта в целом, так и на ее отдельные аспекты, в том числе отношение к ней различных слоев русского общества.

Дореволюционная историография: Прежде всего, отметим обобщающие работы, посвященные войне¹. Хотя основной упор в них делался на исследование «боевых» аспектов Русско-японской войны, попутно затрагивались и такие вопросы как

---

¹ История русско-японской войны. Ред.-издатели М.Е.Бархатов и В.В.Функе. СПб., 1907-1909. 6 т.; Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии генштаба. Под ред. проф. А.Байова, ч. 1-2. СПб., 1906-1907. 2 т.; Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. 9 т.; Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб., 1912-1917. 7 т.; Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота. Документы, изданные исторической комиссией по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе. Отд. 1-4. СПб., 1907-1914. 9 т.

особенности мобилизации войск, действия сибирских формирований на фронте и в тылу, вопросы помощи раненым и т.д. Предпринимались попытки объяснить причины, характер и последствия неудач России.

Можно также отметить работы отдельных русских военачальников, в том числе главнокомандующего Маньчжурской армией ген. А.Н. Куропаткина², а также иностранных военных наблюдателей и советников как при русской, так и при японской армиях³, носящих полумемуарный, полуйсследовательский характер. В них содержится анализ как боевых операций периода войны, так и руководящего состава русской армии и флота; даны также некоторые аспекты влияния военных действий на общественное сознание. В качестве причин поражения называются, в том числе, причины «идейного плана» – непопулярность войны в России, «забитость» и «неразвитость» русского солдата, пагубное воздействие отсутствия критики на положение дел на театре войны и т.д.

Среди специальных работ, посвященных вопросу влияния войны на общественное сознание, выделяются исследование Г.Е. Шумкова⁴ и К.И. Дружинина⁵. Они посвящены изучению психологического восприятия конфликта русскими солдатами и офицерами, эволюции их отношения к войне. В работе К.И. Дружинина подробно анализируются факторы, которые вели к поднятию боевого духа армии, формированию позитивного отношения к войне. Отмечается недостаточное или формальное использование этих факторов в период Русско-японской войны, рост критического отношения к ней в русском обществе. Дается анализ причин падения популярности образа войны, включающий как действия самой власти и командования, так и позицию общества. Автор приходит к обоснованному выводу, что современная война требует и от солдат, и от общества высокого самосознания, подлинного чувства патриотизма.

Советская историография: как уже отмечалось выше, носила идеологизированный характер. В своих оценках авторы повторяли выводы из публицистических статей В.И. Ленина. В публикациях Д.М. Позднеева, А.Л. Сидорова, П. Быкова, И.И. Бабилова, Е.М. Ярославского⁶ упор делался на исследование империалистических планов и идеологий противоборствующих сторон, большое внимание уделялось отношению к войне со стороны большевистской партии. Описание самого конфликта давалось в работах поверхностно и схематично. В том же ключе, но с подробным анализом операций Русско-японской войны написана работа Н.А. Левицкого⁷. Исключение из этого ряда составляют работы А.И. Сорокина⁸, содержащие большой фактический материал и фундаментальное исследование Б.А. Романова⁹, посвященное дипломатической истории войны. Б.А. Романовым введены в научный оборот масса ценных первоисточников, подробно проанализированы не только собственно дипломатическая борьба вокруг войны, но и ее

² Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии. СПб., 1910; Куропаткин А.Н. Отчет ген.-ад. Куропаткина. Т. I-IV, СПб., Варшава, 1906-1907. 4 т.; Куропаткин А.Н. Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

³ Теттау Э, фон, барон. Куропаткин и его помощники. Ч. 1-2. 1913-1914. 2 т.; Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Ч.1-2. СПб., 1907-1908. 2 т.; Лигниц Ф. Японо-русская война. СПб., 1909; Ферри Э. Мукденская операция в условиях современного театра войны. СПб., 1907; Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб., 1907, т. I, т. II; Иммануэль, майор. Русско-японская война в военном и политическом отношении. СПб., 1906. 4 т.; и другие.

⁴ Шумков Г.Е. Рассказы и наблюдения из настоящей Русско-японской войны 1904-1905 гг. (Военно-психологические этюды). 1905.

⁵ Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905 гг. СПб., 1910.

⁶ Позднеев Д.М. Япония: военно-экономическое описание. М., 1924; Сидоров А.Л. Русско-японская война. М., 1951; Быков П. Русско-японская война, 1904-1905 гг. Действия на море. М.; Л., 1942; Бабилов И.И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1958; Ярославский Е.М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М.; Л., 1939.

⁷ Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1936.

⁸ Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1948; Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 гг.: военно-исторический очерк. М., 1956

⁹ Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1955.

причины, ход, политические итоги. В числе прочего затрагивалась тема отношения к войне общества, поданная, правда, в традиционном для советской историографии ключе (автор критиковал позицию правящих кругов и либералов; отстаивал вывод, что единственно верную позицию по отношению к войне занимала партия большевиков).

С конца 1950-х – начала 1960-х гг. история Русско-японской войны стала освещаться более интенсивно. Среди работ выделяется исследование ее истории сотрудников Института военной истории МО СССР под редакцией И.И. Ростунова¹⁰, монография о русской армии и флоте Л.Г. Бескровного¹¹. Однако, несмотря на то, что в них содержался ценный статистический материал, раскрывались многие аспекты создания оборонного комплекса страны, по-прежнему незначительно была освещена деятельность сибирского тыла, вопросы влияния войны на общественное сознание. В этот же период появляются работы об отношении к войне разных групп населения, в основном либералов, с критикой их позиций (см., например, К.Ф. Шацилло¹²).

Постсоветская историография. Общественно-политические изменения, произошедшие в России в 1980-х-1990-х гг., вызвали новый всплеск интереса к войне 1904-1905 гг., изменение многих старых оценок, расширение предмета исследования. Появилось огромное количество статей, посвященных русскому флоту в годы Русско-японской войны, в том числе по прикладным аспектам, а также причинам Цусимской трагедии (работы А.А. Аллилуева, Н.Н. Афонина, Ф. Громова, Н. Кобелева, Р.М. Мельникова, С.И. Тигушкина, И.Ю. Чернядьевой и других)¹³. Среди работ монографического характера, посвященных действиям русского флота в годы войны, выделяется исследование В.А. Золотарева и И.А. Козлова¹⁴. Хотя оно носит, скорее, военно-прикладной характер, все же отметим его основательность, широкое привлечение новых источников.

Обширной источниковой базой отличается исследование В.К. Шацилло¹⁵, хотя и находится в русле традиционных оценок причин войны (империалистические противоречия между Россией и Японией), ее хода и итогов. Альтернативную точку зрения на Русско-японскую войну излагают А.И. Уткин¹⁶ и Ю.А. Шушкевич¹⁷. По мнению А.И. Уткина, на рубеже XIX и XX вв. перед Россией встал вопрос определения ее роли в Азии, так называемой «тихоокеанской миссии». Однако сил на то, чтобы создавать и отстаивать в АТР свой центр геополитического влияния, у России не было. Искаженным, по мнению автора, было и само отношение общества к Русско-японской войне: причины поражений искали не в отсталости страны, а в «злом царе», радикалы, а вслед за ними и все общество, воспринимали армию как оплот самодержавия. Власть не сумела объяснить народу, ради чего Россия сражается, что с самого начала вызвало «разброд и шатание» как в обществе, так и в военной элите.

Ю.А. Шушкевич рассматривает Русско-японскую войну с позиции «акматического идеала» (продвижение России на Восток с целью обретения новых земель для «вольной и сытой жизни»). С его точки зрения, в начале конфликта наблюдалось совпадение

¹⁰ История русско-японской войны / под ред. И.И. Ростунова. М., 1977.

¹¹ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.

¹² Шацилло К.Ф. Либералы и Русско-японская война // Вопросы истории. 1982. № 7.

¹³ Аллилуев А.А. Крейсер «Новик» (в русско-японской войне) // Гангут: Науч.-попул. сб. ст. Вып. 2. СПб., 1991. С. 13-24; Афонин Н.Н. На пути к Цусиме // Мор. ист. сб. М., 1990. С. 34-46; Громов Ф. Уроки Цусимской трагедии: к 90-летию сражения // Мор. сб. 1995. № 6. С. 3-5; Кобелев Н. На пути к Цусиме: Обеспечение похода кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры в 1904-1905 годах // Тыл вооруженных сил. 1990. № 6. С. 36-38; Мельников Р.М. Эскадренные броненосцы типа «Пересвет» // Гангут. 1998. Вып. 15. С. 15-31; Тигушкин С.И. Русская корабельная артиллерия в 1904-1917 гг. // Судостроение. 1992. № 5. С. 50-55; Чернядьева И.Ю. Врагу не сдался «Изумруд» // Записки ОИАК. Т.30. Владивосток, 1996. С. 59-62.

¹⁴ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904-1905 гг.: Борьба на море. М., 1990.

¹⁵ Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. (факты, документы). М., 2004.

¹⁶ Уткин А.И. Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005.

¹⁷ Шушкевич Ю.А. Восточный шанс. Русско-японская война 1904-1905 гг. в ретроспективе исторического выбора. М., 2005.

интересов бюрократии с народной мечтой, попытка России завоевать Маньчжурию отвечала ее реальным интересам. Однако в дальнейшем акматический идеал был «подорван». Для успешного продолжения боевых действий, по мнению автора, требовалось объявить Маньчжурию территорией Российской империи, утвердить ее в глазах народа «своей». Однако это сделано не было, а со сдачей Порт-Артура акматический идеал окончательно рухнул, а война потеряла всякий смысл.

Характерно, что в современной историографии проблемы большое внимание уделяется ее психологическим и социологическим аспектам. В частности, в исследовании В.В. Серебрянникова¹⁸ анализируется воздействие войн на общество, отношение его к ним на разных этапах развития, особенности России («держава-воин»). В работе Е.С. Сенявской¹⁹ анализируются факторы, способствовавшие формированию «образа врага» в России накануне Русско-японской войны и эволюция этого образа в ее ходе.

Многие исследователи обратились к теме воздействия на общественное мнение периодической печати, причем как на «гражданское» общество, так и на самих участников военных действий. Исследовались такие аспекты, как: взаимодействие прессы и военной цензуры (О.Р. Айрапетов, С.Н. Лютов, А.И. Константинов и другие)²⁰, Русско-японская война в иллюстрированных изданиях 1904-1905 гг. (В.А. Смородина²¹), библиотеки на войне (А.М. Панченко²²), распространение антимонархических изданий среди русских пленных в Японии (С.А. Пайчадзе²³) и т.д.

Весьма активно изучается тема «Русско-японская война и Сибирь». О народном характере конфликта, героизме сибиряков, их вкладе в войну (в тылу и на фронте) писали Г.В. Еремин, Ю.А. Фабрика, А.К. Кутник, Н.Н. Смирнов, Н.К. Струк и другие²⁴. Главный вывод, который делают авторы: причина поражения не русские воины, а та государственная система, которая привела их к позору проигранной войны.

Сибирскому тылу посвящена серия работ Ю.П. Горелова, из которых наиболее значима его монография²⁵. Рассматривая вопросы мобилизации, организации помощи раненым, семьям запасных, сиротам погибших воинов и др., он констатировал существенные масштабы сибирской благотворительности на нужды армии, исследовал особенности поведения сибиряков на полях сражений и их работу на армию в тылу.

Особенностям мобилизации во время Русско-японской войны в Сибири, отношению сибиряков к ней посвящены публикации В.И. Баяндина²⁶, отмечавшего масштабность

---

¹⁸ Серебрянников В.В. Социология войны. М., 1997.

¹⁹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

²⁰ Айрапетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 341-354; Лютов С.Н. Военная цензура на дальневосточном театре военных действий в 1904-1905 гг. // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 96-99; Константинов А.И., Иванов Д.В. Военная цензура как условие победы // Воен.-ист. журнал. 2000. № 4. С. 20-28.

²¹ Смородина В.А. Русско-японская война в иллюстрированных изданиях // Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 323-340.

²² Панченко А.М. О библиотеках на войне // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С.77-80.

²³ Пайчадзе С.А. Русскоязычные издания в Японии в период и первые годы после войны 1904-1905 гг. // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 29-32.

²⁴ Еремин Г.В. Мокшанский полк на сопках Маньчжурии // Воен.-ист. журнал. 1992. № 10. С. 83-85; Фабрика Ю.А. Сибирский щит. Новосибирск, 2001; Кутник А.К. Сибирские казаки в русско-японской войне // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 114-116; Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994; Струк Н.К. Восточная Сибирь в период русско-японской войны 1904-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1971.

²⁵ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003.

²⁶ Баяндин В.И. Русско-японская война: мобилизация и демобилизация войск в Сибири // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 38-45; Баяндин В.И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7-12.

мобилизаций, отрицательное влияние Русско-японской войны на положение дел в Сибири, рост революционных настроений среди воинов Маньчжурской армии.

О тяготах, которые испытала Сибирь в Русско-японскую войну, сложностях решения вопросов, связанных с помощью раненым, семьям запасных нижних чинов, снабжения продовольствием населения и армии и т.д. писали М.В. Шиловский, Ю.А. Фабрика²⁷. Наконец, проблеме отношения к войне в русском обществе уделено внимание как в коллективных монографиях, посвященных русскому консерватизму и либерализму²⁸, так и в специальных работах. Выделяется в этом отношении исследование О.Р. Айрапетова, посвященное политике, стратегии и тактике России в Русско-японскую войну²⁹. По мнению автора, к ней привели отсутствие единой внешнеполитической доктрины и переоценка возможностей страны. Поражение же обусловлено целым комплексом причин, начиная от традиционно фиксируемых (техническая отсталость, низкая квалификация командного состава и т.д.) и заканчивая «идеологическими» (негативное отношение общества к армии, незнание дальневосточных реалий, рост критических настроений в ходе конфликта, искаженное понимание патриотизма и т.д.).

Среди новейших работ, посвященных теме воздействия войны на общественное сознание, можно выделить диссертационное исследование Е.А. Гладкой³⁰. Автор анализирует отношение к Русско-японской войне в контексте «оборонного сознания», свойственного в целом русскому обществу. Уникальность конфликта, по мнению Е.А. Гладкой, состоит в том, что впервые отношение к войне изменилось непосредственно в процессе войны (с популярной на непопулярную), при этом «образ врага» с Японии и японцев был перенесен на российское самодержавие. В числе причин, вызвавших изменение отношения к войне, автор рассматривает неудачное пропагандистское воздействие на общество со стороны правящих кругов.

Зарубежная историография представлена огромным количеством работ, посвященных истории Русско-японской войны, особенно военному, политическому и дипломатическому аспектам. Однако есть и специальные труды, рассматривающие социальное, культурное, литературное и интеллектуальное влияние войны на страны Запада и Восточной Азии, символическое значение конфликта³¹. Интересна также работа японского исследователя Наоко Шимазу³², посвященная влиянию Русско-японской войны на японское общество, и работа Себастьяна Добсона³³, в которой рассматривается образ Русско-японской войны в западных и японских изданиях.

Таким образом, за последние два десятилетия произошли существенные сдвиги в освещении Русско-японской войны 1904-1905 гг., исследователи наконец-то обратились к теме ее воздействия на общественное сознание. Однако механизмы этого воздействия изучены еще недостаточно. В отношении влияния изучаемого конфликта конкретно на Сибирь и Дальний Восток исследователями констатируется как тяжелое положение региона вследствие боевых действий, так и широкое участие сибиряков и

---

²⁷ Шиловский М.В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 33-37; Шиловский М.В. Влияние русско-японской войны 1904-1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12-16; Фабрика Ю.А. А для Сибири сугубо... (о вкладе сибиряков в Русско-японскую войну) // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 45-58.

²⁸ Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Либерализм в России. М., 1996.

²⁹ Айрапетов О.Р. На сопках Маньчжурии... Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 355-502.

³⁰ Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

³¹ The Impact of the Russo-Japanese War / Editor Rotem Kowner. Routledge, 2009; The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904-1905 / Editor David Wells, Sandra Wilson. Palgrave Macmillan, 1999.

³² Naoko Shimazu. Japanese Society at War: Death, Memory and the Russo-Japanese War (Studies in the Social and Cultural History of Modern Warfare). Cambridge University Press, 2009.

³³ Dobson, S. Much Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery / Sebastian Dobson, Anne Nishimura Morse, Frederic Sharf. MFA Publications, 2005.

дальневосточников в войне, ее во многом «народный характер», но не делается попыток эти факты объяснить и увязать между собой.

Широкое привлечение в исследовании региональных периодических изданий времен Русско-японской войны, вызванное тем, что пресса служила главным источником формирования общественного мнения и одновременно его выразителем, обязывает нас остановиться и на вопросе изучения истории периодической печати Сибири и Дальнего Востока начала XX в. Историография этого вопроса также подразделяется на три периода: *досоветский*, *советский* и *постсоветский*. В первый период основной упор был сделан на отображение роли политической ссылки в развитии культуры, литературы, периодики Сибири, взаимодействия областников и социалистов, сбор материала о местных публицистах. Ведущие повременные издания региона активно публиковали на своих страницах биографические материалы о журналистах, издателях, редакторах сибирских газет и журналов, отмечали вновь появляющиеся издания и т.д.

Советский период характеризуется «креном» в сторону изучения большевистской прессы как орудия воздействия РСДРП (б) на общественное сознание. Этому подходу полностью соответствуют как серия сборников «Журналистика в Сибири»³⁴, так и работы дальневосточных исследователей И.П. Трофимова, Н.А. Глущенко, П.Я. Гурова и других³⁵.

В 1980-е гг. исследование сибирской журналистики велось главным образом с позиции изучения вопросов литературной критики. Так, в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР вышла серия сборников, посвященных истории сибирской печати и литературной критики Сибири³⁶, причем авторами их стали исследователи со всего региона (В.Г. Одинокоев, Л.П. Якимова, Е.А. Куклина, Б.А. Чмыхало, А.С. Янушкевич, Ф.З. Канунова и другие). В этом же ключе был написан и самый значительный (по данной тематике) труд – двухтомник «Очерки русской литературы Сибири»³⁷, в котором рассматривалась история развития литературы, журналистики и литературной критики в сибирском регионе. В Красноярске исследования по истории сибирской журналистики и литературы велись Б.А. Чмыхало, также с упором на литературную критику³⁸.

На Дальнем Востоке в этот же период была впервые предпринята попытка комплексного изучения дальневосточной печати начала XX в.. Здесь большая работа была проделана И.Г. Стрюченко, который составил аннотированный указатель дореволюционной периодики Дальнего Востока и Забайкалья³⁹. Среди работ 1980-х гг., посвященных периодике Сибири и Дальнего Востока, стоит выделить и небольшое, но весьма информативное исследование Е.Д. Петряева о сотрудниках газеты «Восточное обозрение»⁴⁰, в котором автор собрал сведения о более чем 600 корреспондентах, авторах и журналистах газеты.

---

³⁴ Журналистика в Сибири. Иркутск, 1967; Журналистика в Сибири. Иркутск, 1969; Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972.

³⁵ Трофимов И.П. Влияние большевистской печати на формирование революционного самосознания рабочего класса Приморья (1900-1907 гг.) // Ученые записки ДВГУ, 1958. Вып. 2. С. 41-65; Глущенко Н.А. Большевистская печать Дальнего Востока в годы первой русской революции (1905-1907 гг.). Владивосток, 1970; Гуров П.Я. Большевистская печать накануне и в период первой русской революции (1905-1907 гг.). М., 1957.

³⁶ Развитие литературно-критической мысли в Сибири. Новосибирск, 1986; Очерки литературной критики Сибири. Новосибирск, 1987; Литературная критика в Сибири. Новосибирск, 1988; Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989; Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX-XX вв. Новосибирск, 1990.

³⁷ Очерки русской литературы Сибири. В 2 т. Новосибирск, 1982. 2 т.

³⁸ Чмыхало Б.А. Литературно-критическая борьба в сибирских изданиях начала XX века. Красноярск, 1987; Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь. Регионализм в истории русской литературы. Красноярск, 1992.

³⁹ Стрюченко И.Г. Периодическая печать Дальнего Востока и Забайкалья эпохи капитализма (1861-1917 гг.): аннотир. библиограф. указ. Владивосток, 1983.

⁴⁰ Петряев Е.Д. Сотрудники «Восточного обозрения» и «Сибирских сборников» (1862-1906). Киров, 1987.

Однако наиболее значимыми, на наш взгляд, являются работы 1990-х и далее годов, т.е. *постсоветского периода*. Прежде всего, это исследования иркутского ученого С.И. Гольдфарба, посвященные газете «Восточное обозрение», а также в целом газетному делу в Сибири в XIX – начале XX веков⁴¹. В них рассмотрен процесс формирования газетного рынка в Сибири и его особенности; выявлены типологические черты сибирской периодики; раскрыт вопрос о взаимоотношениях власти и СМИ.

Истории газеты «Сибирская Жизнь», ее первому редактору, П.И. Макушину, и периодике Сибири посвящены публикации Е.Н. Косых⁴².

Исследования по дальневосточной периодике представлены работой И.А. Шаховой⁴³, в которой рассмотрены особенности взаимодействия прессы и власти в дальневосточном регионе, характерные черты частной периодической печати здесь в изучаемый период. Комплексное исследование дальневосточной прессы содержится также в монографиях по истории Дальнего Востока⁴⁴.

Для периода 1990-х гг. было характерно наличие большого количества газетных публикаций по истории прессы, однако их недостатком было отсутствие глубокого анализа и фрагментарность. Исключением явились статьи А.В. Лосева и А.А. Хисамутдинова⁴⁵.

Среди публикаций общего плана (посвященных истории журналистики в целом), стоит отметить исследования С.Я. Махониной⁴⁶, в которых дается великолепный типологический разбор прессы (в том числе и региональной). Пресса как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения рассматривается в работе Н.Н. Родигиной⁴⁷. Весьма ценной, на наш взгляд, является и работа Г.В. Жиркова по истории цензуры в России⁴⁸, поскольку без рассмотрения этого вопроса невозможно понять особенности функционирования отечественной прессы.

В целом изучение истории периодической печати Сибири и Дальнего Востока начала XX в. еще далеко от своего завершения, особенно дальневосточной периодики. Сведения даже о крупнейших изданиях региона приходится собирать буквально по крупицам. Очень мало затронут вопрос об эволюции периодических изданий, недостаточно изучено и взаимодействие в рамках триады «власть-общество-СМИ».

Цели и задачи работы. *Целью* нашей работы является исследование воздействия Русско-японской войны 1904-1905 гг. на общественное мнение Сибири и Дальнего Востока, раскрытие внутренних механизмов формирования общественного мнения. Для достижения данной цели потребовалось решить ряд взаимосвязанных *задач*:

1. проанализировать стратегию правящих кругов по созданию образа конфликта, выделить основные направления и способы формирования общественного мнения;

---

⁴¹ Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение», 1882-1906 гг. Иркутск, 1997; Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003.

⁴² Косых Е.Н. «Сибирская Жизнь» // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С.311; Косых Е.Н. Макушин П.И. (1844-1926) // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С.199; Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): указ. газет и журналов / составитель Косых Е.Н. и др. Томск, 2001.

⁴³ Шахова И.А. Периодическая печать и органы государственной власти Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX веков): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2001 г.

⁴⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XII в. – февраль 1917 г.). М., 1991; История культуры Дальнего Востока СССР XVII – XX вв. Дооктябрьский период. Владивосток, 1989.

⁴⁵ Лосев А.В. Вначале была «Амурская газета» // Амурская правда. 1995. 23 августа; Хисамутдинов А.А. Честь имею, редактор и поручик Панов. (К столетию выхода газеты «Дальний Восток») // Красное Знамя. 1993. 14 января; Он же. Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992.

⁴⁶ Махонина С.Я. Русская дореволюционная печать 1905-1914 гг. М., 1991; Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2002.

⁴⁷ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.

⁴⁸ Жирков Г.В. История цензуры в России в XIX – XX вв. М., 2001.

2. рассмотреть «образ врага» в общественном сознании населения Сибири и Дальнего Востока, специфику восприятия Японии и японцев в зависимости от региональной принадлежности населения;
3. проследить динамику и особенности изменения общественного мнения в период войны, выделить «критические точки» в ее восприятии;
4. выявить ключевые проблемы периода Русско-японской войны, оказавшиеся в центре внимания общественности, влияние их на ее восприятие;
5. рассмотреть способы проявления общественного мнения.

Объектом исследования в работе является общественное мнение Сибири и Дальнего Востока начала XX века. **Предмет** исследования – Русско-японская война 1904-1905 гг. в общественном сознании населения Сибири и Дальнего Востока, изменение регионального общественного мнения под воздействием данного вооруженного конфликта.

Территориальные границы исследования охватывают Сибирь и Дальний Восток, т.е. Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Акмолинскую, Якутскую, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую области, о.Сахалин. На момент Русско-японской войны Тобольская, Томская губернии, Акмолинская область входили в Омский военный округ; Енисейская и Иркутская губернии, Якутская область – соответственно в Иркутский военный округ и Иркутское генерал-губернаторство (с 1906 г. в состав округа вошла Забайкальская область), Амурская, Приморская, Забайкальская области, о.Сахалин составляли Приамурское генерал-губернаторство и Приамурский военный округ.

Хронологические рамки работы охватывают период Русско-японской войны, то есть с 27 января 1904 г. по 23 августа 1905 гг. (подписание Портсмутского мирного договора), хотя в отдельных случаях привлекаются данные и более раннего, и более позднего времени (образ Японии в русском обществе, некоторые моменты демобилизации воинов Маньчжурских армий и т.д.). Хронологические рамки обусловлены как самой темой исследования (влияние на общественное мнение именно самой Русско-японской войны), так и тем, что по мере окончания активных боевых действий и решения вопроса о мире, спектр интереса печати сместился в сторону вопросов внутренней жизни.

Методология и методы исследования. Методологической основой решения поставленных проблем явились принципы историзма и системности, которые предполагают изучение общественного явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии, а также отношение к предмету и объекту как к целостным функционирующим и эволюционирующим структурам, обладающим многообразными внутренними и внешними связями.

В качестве теоретической основы настоящей работы положены современные исторические и социологические концепции, рассматривающие феномен *общественного сознания*. Оно понимается ими как реальное сознание, состоящее из знаний, мнений, ценностных ориентаций, установок, потребностей и интересов. Каждый из этих структурных элементов вырастает из непосредственно практической деятельности и не отделен от общественного бытия. Более того, они отражают не только случайные, стихийные связи и отношения, но и устойчивые закономерности и тенденции развития общества. Возникая как реакция на непосредственное восприятие действительности, как отражение сложившихся условий существования, реальное сознание приобретает самостоятельную роль, выражаясь в *общественном мнении*, умонастроениях людей.

Общественное мнение – довольно сложное образование. В целом оно рассматривается как совокупность суждений и оценок, характеризующих консолидированное отношение массового сознания к наиболее значимым и актуализированным проблемам, событиям и фактам экономики, политики, культуры, общественной жизни. Важным для современного понимания общественного сознания является концепция, что общественное (реальное) сознание не есть собрание или механическое обобщение идей и взглядов – оно образует новую специфическую сущность, в которой проявляются устойчивые тенденции, объективно отражающие как состояние сознания, так и глубину осмысления им

общественного бытия. Общественное сознание неизбежно реализуется в **деятельности, поведении людей**.

Центральной для новейших концепций социологии становятся идеи роли человека как *активного социального субъекта*, под влиянием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросреде. Общественное сознание и поведение считаются основным критерием общественных изменений, силой, которая при особых ситуациях определяет ход исторического процесса.

Данная парадигма особенно выпукло представлена в трудах П.А. Сорокина. Рассматривая факторы социальной эволюции, он пришел к выводу, что сущностью всех социальных явлений служит факт сознательного взаимодействия индивидов и групп, и таким образом социальное явление есть мир понятий, мир логического бытия. Поэтому мысль составляет и основу социальной эволюции, перевороту социальному предшествует переворот психический. По мнению П.А. Сорокина, закономерность в истории означает только то, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо его.

На похожих позициях стоит экзистенциальная социология, которая рассматривает общество как результат поступков отдельных индивидов, обладающих свободой выбора; «в сущности вне человека нет ничего такого, что принуждало бы его действовать тем или иным образом». Таким образом, в центре исследования оказывается состояние и тенденции общественного сознания и поведения в тесной связи с объективными условиями существования как общества в целом, так и его отдельных слоев и индивидуумов.

В работе применялись специальные методы исторического исследования. Главным инструментарием стало сочетание историко-генетического, историко-сравнительного и историко-системного методов. В исследовании использовались также наработки смежных с историей наук – социологии, журналистики; анализировалась вероятностная степень воздействия материалов периодической печати на читателя. Применялся метод контент-анализа и статистический метод.

Источниковая основа диссертации. В основу данной диссертационной работы положен сравнительный анализ трех ведущих газет Сибири и Дальнего Востока: «Сибирская Жизнь», «Восточное обозрение», «Дальний Восток». Обращение к *периодике* как ведущему источнику обусловлено тем, что в рассматриваемый нами период пресса исполняла двоякую функцию: с одной стороны, она формировала общественное мнение, с другой – была основным каналом его выражения. Причем в данном качестве выступала, главным образом, *частная либеральная пресса*, официозные и правые издания почти не пользовались влиянием. Выбор конкретных газет из числа частных либеральных изданий Сибири и Дальнего Востока был обусловлен длительностью выхода издания, ареалом распространения газеты, ее авторитетом, периодичностью издания и тиражом. По совокупности этих признаков были отобраны «Дальний Восток» (Владивосток, 1892-1917, ежедневно), «Сибирская Жизнь» (Томск, 1897-1919, ежедневно, тираж 15 тыс. экз.), «Восточное обозрение» (Иркутск, 1888-1906, ежедневно, тираж 12 тыс. экз.).

В качестве источника были привлечены также «Маленькие письма» А.С.Суворина (полемиические заметки, публиковавшиеся в газете «Новое время»), поскольку «Новое время» выступало в роли основного «оппонента» «Восточного обозрения». Кроме того, данный источник позволяет увидеть «правый спектр» воззрений на Русско-японскую войну. «Левый спектр» представлен листовками сибирских организаций РСДРП 1904-1905 гг. Наконец, нами был использован «Вестник Маньчжурской армии» и «Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг.» Н.С. Романова.

Для адекватного представления динамики общественного мнения была привлечена также *мемуаристика*. В силу того, что комплекс воспоминаний о Русско-японской войне чрезвычайно обширен, нами были выбраны воспоминания людей из разных социальных групп и занимавших разные политические позиции. Это представители командного

состава: А.А. Игнатъев (офицер Генштаба, в числе прочего наблюдавший за иностранными военными агентами); К.И. Дружинин (полковник, служил в составе Приморского драгунского, Уссурийского казачьего полков, начальником штаба сводной казачьей бригады, командиром отдельного отряда), П.К. Баженов (офицер, служил на разных постах во 2-й Маньчжурской армии), старший адъютант штаба 1-го Сибирского корпуса С.Л. Марков; наблюдатели при русской армии: барон Эбергард Теттау (немецкий военный атташе при русской армии), В.А. Апушкин (подполковник военно-судебного ведомства, военный журналист); британский военный агент при японской армии, ген.-лейт. Я. Гамильтон; врачи В.В. Вересаев, В.П. Важаков; медсестра Н.В. Козлова; священник Митрофан Серебрянский. Кроме того, ряд воспоминаний извлечен из публикаций в прессе периода Русско-японской войны (в основном это касается очерков журналистов Н.А. Немировича-Данченко и Вас.И. Немировича-Данченко). Особое место среди мемуаров занимают воспоминания редактора «Восточного обозрения» И.И. Попова, в которых раскрываются как некоторые перипетии идеологической борьбы времен военного конфликта, так и то положение, в котором оказался из-за войны Иркутск.

Мемуаристика дополняется солдатскими письмами, публиковавшимися в прессе («Восточное обозрение», «Сибирская жизнь»), а также собранных А.Н. Прокопе в специальном альбоме.

Еще одной категорией источников являются *делопроизводственные материалы*, извлеченные из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Они раскрывают, в основном, отношение населения Дальнего Востока к войне и некоторые его специфические черты («шпиономания», охватившая Дальний Восток с началом конфликта; особенности ведения боевых действий на Камчатке и пр.).

Таким образом, представленные в совокупности перечисленные выше источники позволяют решить поставленные в данном исследовании цели и задачи и позволяют проанализировать общественное мнение населения Сибири и Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования. В настоящей работе исследован процесс формирования общественного мнения Сибири и Дальнего Востока в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. и выявлен его целенаправленный характер. Раскрыты многие аспекты образа этого военного конфликта в общественном сознании, среди них такие, как: восприятие Японии и японцев (образ врага); создание образа героев средствами массовой информации и др. Выявлены крайние пределы формирования позитивного образа войны, методы и направления этого формирования, его результативность. Получены данные об исключительно длительном, в ряде случаев, воздействии на общественное сознание созданных СМИ образов. Проанализирована стратегия правящих кругов по созданию имиджа войны, показана смена алгоритмов как в официальной пропаганде, так и в публицистике. Прослежена эволюция отношения к войне населения Сибири и Дальнего Востока, выделены проблемы, оказавшиеся в центре общественного внимания в ходе ее. Рассмотрены формы проявления общественного мнения. Сделана попытка системного исследования всего комплекса общественных идей, свойственных русскому обществу в изучаемый период.

Практическая значимость результатов работы. Результаты исследования могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории Русско-японской войны, а также в образовательных и специальных курсах по региональной истории в вузах Сибири и Дальнего Востока.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации доложены и получили одобрение в ходе обсуждения на региональной молодежной научной конференции «История Сибири: 1583–2006 гг. Проблемы и перспективы» (Новосибирск, 2006 г.). Материалы исследования изложены в 6 публикациях автора.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В период Русско-японской войны 1904-1905 гг. была предпринята первая крупномасштабная попытка целенаправленного формирования общественного мнения, создания в общественном сознании позитивного образа войны; основным каналом для этого послужила пресса.

2. Пропаганда войны через создание ее приукрашенного, «героического» образа, отрицание любых провалов, поражений, недостатков и т.д., хотя и имела в ряде случаев значительный эффект, оказалась губительной в стратегическом плане, так как в итоге привела к полному падению доверия к власти и нежеланию общества нести жертвы «во имя победы».

3. В период Русско-японской войны в общественном сознании произошла трансформация «образа врага» в лице Японии и японцев; в общем случае произошел перенос «образа врага» с японцев на русское самодержавие, в частном – сохранилась прежняя парадигма восприятия японцев («варвары», «язычники») с присвоением «цивилизационного» статуса только собственно японской армии.

4. На восприятие конфликта обществом Сибири и Дальнего Востока большое влияние (отрицательное) оказали внутренние проблемы, вызванные им; главными из них были дороговизна, продовольственный кризис, трудности в оказании помощи семьям запасных и раненым.

5. Несмотря на то, что Русско-японская война уже к осени 1904 г. потеряла свою популярность, общество Сибири и Дальнего Востока продолжало относиться к ней как к долгу и одновременно бедствию; призванные нижние чины считали необходимым честно и доблестно сражаться, общество – оказывать помощь воинам и членам их семей.

Структура работы. Диссертация общим объемом 263 страниц состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность диссертационного сочинения, охарактеризована степень изученности избранной темы, сформулированы цель и задачи исследования, определены его объект и предмет, территориальные и хронологические рамки, обозначены методологические и методические основания, раскрыта источниковая база диссертации, показана ее научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Общество и пресса Сибири и Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904–1905 годов: формирование и изменение образа войны» раскрывает усилия правящих структур по пропаганде конфликта, рассматривает роль прессы в формировании и изменении образа войны, формирование и динамику общественного мнения Сибири и Дальнего Востока в избранных хронологических рамках.

В первом параграфе «Основные направления формирования общественного мнения» анализируется стратегия правящих кругов по созданию позитивного образа войны и выявляются направления формирования общественного мнения.

В начале XX века задача обработки общественного сознания была осознана властью как одна из ключевых. Русско-японская война дает пример первой крупномасштабной попытки формирования общественного мнения в нужном для «верхов» ключе. Основным каналом воздействия на общество служила пресса, причем в силу специфики российского общества – главным образом частная либеральная печать. Сравнительный анализ материалов ведущих повременных изданий региона (газет «Сибирская Жизнь», «Восточное обозрение», «Дальний Восток») позволяет сделать вывод о сознательном и целенаправленном формировании общественного мнения в духе «пропаганды войны». В первую очередь, предпринимались усилия по созданию «образа врага» в лице Японии. Доказывалось, что война отвечает многовековым интересам России, ее движению на Восток, необходима для укрепления наших позиций здесь и т.п. Данная парадигма чуть позже была дополнена созданием позитивного образа собственно войны. СМИ пытались

представить ее как победоносную и героическую, а все сопутствующие неудачи – как временные, незначительные, либо предусмотренные стратегическим планом командующего. Средствами для этого служили подбор позитивной информации о ходе боевых действий, создание позитивного образа командования русской армии и флота и в первую очередь командующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина, освещение происходящих событий под углом «соответствия стратегическим планам командующего», а так же использование пропагандистских материалов и обращение к героическим страницам войны.

Следует отметить, что «ура-патриотические» настроения начала войны, изображение русской армии и флота исключительно в героическом, позитивном ключе, велось не только из-за давления «сверху» (через цензуру и т.п.), но во многом соответствовало и чаяниям самого общества.

Степень воздействия на читателя «идеологически выверенной» информации и материалов была различной, от недоверия до полного и безоговорочного принятия. Более того, эффективность некоторых газетных PR-акций была такова, что их воздействие продолжает сказываться до настоящего времени. Яркий пример тому – ситуация с подвигом крейсера «Варяг». Вокруг этого события СМИ был создан настолько сильный «героический ореол», что под его обаянием бой «Варяга» с японской эскадрой стал в общественном сознании россиян квинтэссенцией военного подвига, а само событие осталось в памяти поколений «визитной карточкой» Русско-японской войны. Довольно долго усилиями именно прессы поддерживался авторитет и популярность командующего Маньчжурской армии А.Н.Куропаткина. Его рисовали как гениального полководца, наследника и преемника М.Д.Скобелева, «отца» для солдат, чуткого и душевного командира и т.д.

В целом пропаганда войны через создание ее приукрашенного образа была эффективна тактически, но совершенно губительна в стратегическом плане.

Во втором параграфе «Образ Японии и японцев в общественном сознании Сибири и Дальнего Восток» подробно рассматривается формирование и изменение «образа врага» в лице Японии и японцев.

Целенаправленное создание «образа врага» велось еще в преддверии войны с Японией. Основной упор делался на изображении японской цивилизации как языческой и варварской, а потому чуждой и даже враждебной цивилизации христианской, европейской (к последней относили и Россию). Весьма активно в прессе и обществе муссировалась тема «желтой опасности», «панмонголизма» (будущей активной борьбы Японии за господство в Азии). При этом одновременно Япония и японцы изображались в презрительном, уничижительном ключе с эпитетами типа «япошки», «желтолицые обезьяны», «макаки», «узкоглазые карлики» и т.д. В целом к началу конфликта в русском обществе создалось совершенно превратное представление о своем противнике, особенно о японской армии и флоте, которые изображали в духе лубочных картин.

По мере разворачивания боевых действий «образ врага» трансформировался – из «макак» японцы превратились в передовую нацию, с армией европейского уровня. Пресса единодушно писала, что японцы проводят операции с соблюдением всех требований современной военной науки; особо отмечались высокая образованность и сознательность как офицеров, так и рядовых японской армии, высокий боевой дух, героизм, готовность к самопожертвованию. Непосредственно на полях сражений к японцам как врагу очень скоро стали относиться с уважением. При этом наиболее цельным в глазах русского общества оказался именно образ японского солдата, матроса, офицера. От знака «минус» и «шапкозакидательских настроений» произошел переход к знаку «плюс» (японцы – достойный противник).

Если обратиться к тому образу Японии и японцев, который на протяжении войны создавался прессой Сибири и Дальнего Востока, то четко видна разница в восприятии врага. Сибирская пресса всю кампанию демонстрировала сочувственное и уважительное

отношение к японцам, подчеркивала те достижения, в которых Япония обогнала Россию, высоко оценивала моральные качества японцев и их духовную жизнь. Дальневосточная пресса неизменно подчеркивала поверхностность европеизации Японии, доказывала, что японская нация «духовно слаба и глубоко порочна», а ее представители, хотя и имеют ряд положительных черт, в целом двуличны, лживы, коварны и жестоки. При этом японская армия оценивалась очень высоко.

Если в Сибири открыли сбор жертвований на нужды японских военнопленных, то на Дальнем Востоке развернулась настоящая «япономания», с постоянными поисками «шпионов», «разоблачениями» и угрозами погромов. Характерно, что в деле борьбы с японцами (вплоть до призывов к их поголовному уничтожению) дальневосточное общество и власть шли, что называется, «рука об руку». Подобная разница в восприятии противника, как нам представляется, объясняется «военным психозом», который охватил Дальний Восток из-за страха перед японской оккупацией.

В целом, если формирование «образа врага» велось в едином ключе, то дальнейшее его изменение пошло по двум направлениям:

1) облагораживание противника, вплоть до переноса «образа врага» с Японии и японцев на русское самодержавие (японцы – храбрые и достойные противники, самодержавие довело Россию до национального позора);

2) присвоение нового («цивилизованного») статуса преимущественно японской армии, с сохранением прежней парадигмы относительно японцев как нации и культивированием враждебности к ним.

Вторая парадигма была характерна для социума Дальнего Востока, продолжавшего (и не без основания) воспринимать Японию как врага даже после окончания войны, первая – для общества Сибири, имевшего возможность более отстраненно и опосредованно относиться к противнику Российской империи.

В третьем параграфе «Динамика общественного мнения Сибири и Дальнего Востока» рассматривается изменение образа войны и самого отношения к ней общества.

Как уже отмечалось выше, для начала боевых действий были характерны «урапатриотические» настроения, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. В целом первоначальный отклик сибиряков и дальневосточников на Русско-японскую войну содержал как негодование на дерзость, коварство врага и очень большой интерес к боевым действиям, так и надежды на скорое завершение войны и непонимание ее причин. По мере затягивания кампании «патриотический пыл» все более угасал. С лета 1904 г. появляются и первые критические материалы на страницах прессы. Первоначально они касались состояния флота, которое многими авторами рассматривалось как весьма плачевное.

Положение дел на сухопутном театре вплоть по декабрь 1904 г. изображалось большинством повременных изданий в духе «соответствия гениальным планам командующего», однако уже с августа-сентября 1904 г. публиковались и материалы, рисующие войну с совершенно другой, «непарадной» стороны. Большую роль в правдивом изображении ее хода сыграли очерки талантливого журналиста Вас.И. Немировича-Данченко. Написанные ярким, живым языком, горячо и страстно, они даже после цензурных правок оказывали на читателя большое эмоциональное воздействие. Война представала в них жестокой и кровавой, со всем ужасом боев, с кошмаром бесконечных отступлений, с голодом, неустроенностью, страданиями, страхом, болью.

Если же обратиться к динамике общественного мнения, то настроения осени 1904 г. по всей Сибири и Дальнему Востоку пресса единодушно характеризовала как «тоскливо-ожидательные». Тот же «ожидательный» тон нарастал и в газетах: сначала в связи с боями на Шахэ, затем по поводу ситуации в Порт-Артуре и возможностей 2-й Тихоокеанской эскадры. Вместе с тем продолжала существовать «двойственность сознания», согласно которой, с одной стороны, общество требовало скорейшего окончания противоборства

(«война положительно измучила, подумать страшно, что будет дальше»), с другой – ждало побед и героических реляций.

Сдача Порт-Артура, на этом фоне, стала для общества настоящим шоком, с которым большинство и современников, и исследователей связывали «начало конца». Если до падения крепости тот приукрашенный образ войны, который правящие круги пытались навязать обществу, хоть как-то воспринимался читателем, то после произошла кардинальная смена оценок. Война из «героической и в будущем победоносной» превратилась в позорную и проигранную, пресса повела целенаправленную критику дел в армии и на флоте, а чуть позже – и в целом в государственном устройстве России, весьма настойчивыми стали требования прекращения войны и проведения внутренних реформ. Разгром русской армии под Мукденом и особенно гибель флота в Цусимском проливе окончательно подорвали авторитет власти. Как нам представляется, на столь резкое восприятие обществом Порт-Артура, Мукдена и Цусимы повлияли не только сами события, как таковые, но в большой степени и то, что относительно них в обществе был сформирован «победный миф».

К лету 1905 г. общество Сибири и Дальнего Востока (как и русское общество в целом) уже не верило никаким оптимистичным заявлениям и победным реляциям, никаким «гениальным» планам и проектам. Как нам представляется, утрата доверия к власти, мысль о том, что она уже не способна решать стоящие перед обществом задачи, послужила как минимум одним из источников начавшейся в стране революции.

Вторая глава «Сибирь и Дальний Восток в 1904-1905 гг.: реакция общества на Русско-японскую войну и возникшие в связи с ней проблемы» отражает специфику восприятия конфликта именно обществом Сибири и Дальнего Востока.

В первом параграфе «Основные факторы, влияющие на общественное мнение Сибири и Дальнего Востока» выявляются и анализируются факторы «внутреннего порядка», повлиявшие на восприятие войны.

Из числа проблем, вызванных войной в Сибири и на Дальнем Востоке, в центре общественного внимания оказались следующие:

- 1) катастрофический рост цен на основные продукты и товары, продовольственные «кризисы» (нехватка или отсутствие товаров и продуктов в свободной продаже);
- 2) положение семей запасных нижних чинов, оставшихся без кормильцев;
- 3) проблемы, связанные с приемом и содержанием раненых.

По поводу роста цен газеты начали бить тревогу с первых же дней войны. Удорожание на основные продукты и товары с началом войны составило в среднем по региону 50-100%. По мере затягивания боевых действий рост цен продолжался, к лету 1905 г. основные продукты и товары стоили в среднем в 3-5 раз дороже, чем до войны, в некоторых случаях рост цен доходил до 2000% от довоенного!

Острые общественной критики было обращено против торговцев, которых обвиняли в спекуляции, и администрации, не способной их «обуздать». Попытки местных властей вводить так называемые «таксы» (предельные фиксированные цены на продукты) в большинстве случаев вели либо к исчезновению продукта из продажи, либо к тому, что «такса» устанавливала заведомо высокие цены, выгодные для самих торговцев.

СМИ неизменно отмечало недовольство населения ростом цен и исчезновением товаров из продажи. Уже летом 1904 г. региональная пресса писала о критической ситуации, сложившейся в Забайкалье. К осени 1904 г. продовольственные кризисы охватили практически всю Сибирь и Дальний Восток, вызывая тревожные отклики прессы и населения. В ноябре 1904 г. как «безвыходное» оценивалось «Сибирской Жизнью» положение Охотского края. В феврале 1905 г. газета «Восточное обозрение» оценивала как катастрофическую ситуацию с продовольственным снабжением Иркутска, требуя немедленной помощи с целью предотвращения голода.

Весной-летом 1905 г. продолжение войны стало оцениваться местной прессой как *смертельное для региона*. Газеты приводили многочисленные факты катастрофического

роста цен, нехватки продуктов, голода, нищеты. Характерно, что называя среди виновников дороговизны и кризисов торговцев-спекулянтов и нечистоплотную администрацию Сибирской железной дороги, пресса констатировала и факт полной неспособности администрации (и местной, и центральной) справиться с ситуацией, т.е. укротить «аппетиты» спекулянтов и прекратить взяточничество со стороны железнодорожников.

Другим фактором, ставшим существенным аргументом в пользу прекращения конфликта, стала проблема помощи семьям запасных нижних чинов. Государственные пособия покрывали только часть издержек, но даже они выдавались со множеством нарушений и злоупотреблений. Общая бедственная ситуация с семьями запасных вызывала в региональной прессе двоякий отклик. С одной стороны, она постоянно призывала общество жертвовать на нужды семей ушедших воинов. С другой – обращала внимание на то, что продолжение войны неизбежно ведет к разорению хозяйств запасных, чем дальше, тем больше, чему приводилась масса примеров. В целом, тяжелое положение семей запасных нижних чинов всю кампанию оставалась «точкой напряжения» для общества Сибири и Дальнего Востока.

Примерно такая же ситуация сложилась и с делом помощи раненым. По мере увеличения их количества, лавинообразно росли и проблемы, связанные с их приемом и содержанием. Особенно остро встал вопрос с помещениями под госпитали. В ряде случаев требования по количеству коек для раненых были настолько непосильны для городов региона, что между военным ведомством и городскими думами разворачивались настоящие «информационные войны», с привлечением СМИ. Подобная ситуация, например, возникла в Иркутске, где военные требовали предоставить места для 20 тысяч раненых, а город с большим трудом мог предоставить только 6 тысяч.

Наконец, на восприятие сибиряками и дальневосточниками войны влияли рассказы непосредственных участников боевых действий, а так же почерпнутые из писем запасных и т.д. Практически все дошедшие до нас свидетельства говорят о том, что воинами поднималась тема постоянных отступлений. Деморализация, вызванная ими, неверие в победу, отчаянье и прочее должны были передаться и гражданскому населению.

Мы не можем сказать какие проблемы (военные или внутренние) служили для общества Сибири и Дальнего Востока большим аргументом за прекращение войны, но то, что оба эти фактора действовали – несомненно.

Во втором параграфе «Формы проявления общественного мнения» анализируются проявления общественного мнения в годы войны.

В числе проявлений общественного мнения в духе «ура-патриотизма» мы можем отметить: патриотические манифестации, торжественные проводы войск на театр военных действий, верноподданнические адреса, приветствия командующего Маньчжурской армии А.Н.Куропаткина, специальные вокально-литературные вечера. Все они имели место практически по всему региону, однако проводились только в первые два-три месяца конфликта. При этом сам интерес к войне сохранялся на высоком уровне весь период конфликта, и проявлялся, в частности, в очень большой популярности газет, содержавших информацию о войне.

Отношение сибиряков и дальневосточников к мобилизации первоначально было сочувственным, исследователи отмечают высокую степень явки на призывные пункты и большое количество добровольцев. В следующие призывы (весна-лето 1904 г. и далее) отношение к мобилизации населения стало более драматичным, однако мобилизация продолжалась в срок и в полном объеме, а действия войск неизменно отличали доблесть и героизм. На Дальнем Востоке и о.Сахалин с большим воодушевлением шло создание добровольных дружин.

Характерно, что даже с ростом негативного отношения к войне как таковой, общество все равно ожидало от войск героизма; никаких сомнений в том, что воины могут «дрогнуть перед врагом», побегать и т.д. не высказывалось. Региональная печать

регулярно публиковала «отчеты» о действиях «своих» воинских частей, неизменно и как само собой разумеющееся подчеркивая их героизм, причем это делали даже те издания, которые не симпатизировали к войне в целом (например, «Восточное обозрение»).

Своеобразной формой проявления общественного мнения выступали слухи. Их диапазон был весьма широк: от утверждений, что японцы захватили уже пол Сибири до того, что «мы» захватили в плен «главного японского генерала» и осталось только найти прячущегося во дворце «японского царя». Реакция на слухи также была весьма разнообразной: в одних случаях население бросалось прятаться по лесам, в других – вооружалось и шло «встречать врага».

Еще одной формой проявления общественного мнения стали добровольные пожертвования населения на нужды войны. Характерно, что ситуация с пожертвованиями всю кампанию находилась в «фокусе внимания» региональной прессы, постоянно публиковались отчеты о деятельности Дамских комитетов, комитетов Красного Креста, информация о суммах пожертвований и т.д. Анализ ситуации с пожертвованиями позволяет выделить следующие тенденции:

1. Наиболее актуальными в течение всей войны были пожертвования для семей запасных нижних чинов и на нужды раненых. Призывы жертвовать именно на эти нужды постоянно звучали со страниц местных газет; постоянно проводились специальные акции по сбору средств, а размеры общественной благотворительности были сопоставимы с помощью государства.

2. Особое внимание уделялось делу помощи раненым. На общественные средства оборудовались госпитали, проводилось снабжение раненых постельными принадлежностями, бельем, одеждой; устраивались раздача подарков на рождественские и пасхальные праздники. Размещение раненых по домам обывателей встречало, тем не менее, разнородную реакцию – от инициатив по бесплатному их содержанию до категорических отказов от «постоя».

3. Пожертвования «на нужды войны» очень быстро трансформировались в пожертвования на конкретные нужды «своих» частей; отклик населения в этом случае носил, как правило, быстрый и сочувственный характер. Масштабы общественной благотворительности по этому пункту также были весьма велики. Особенным размахом отличалась деятельность «Иркутского Горного кружка», собравшего к июню 1905 г. пожертвований на сумму в 95 тыс. руб. и снабжавшего целые войсковые соединения.

4. Сборы на «усиление флота», очень популярные в начале войны, потеряли свою актуальность примерно к осени 1904 г.

5. Общие масштабы пожертвований были весьма значительны (по Томску, например, за год боевых действий они составили примерно 1/6 часть от суммы городского бюджета), хотя и претерпевали сокращение вследствие ухудшения экономической ситуации в регионе и роста цен.

Таким образом, проявления общественного мнения в Сибири и на Дальнем Востоке демонстрируют отношение к войне как некоему **долгу**, даже в условиях ее полной непопулярности. Вне зависимости от прямого отношения к военным действиям войны считали своим долгом честно и храбро сражаться, а общество рассматривало как свой нравственный долг необходимость помощи семьям ушедших воинов, раненым и членам «своих» частей.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Русско-японская война 1904-1905 гг. явилась одной из ключевых точек российской истории. Особенно интересны те изменения, которые она внесла в общественное сознание России. Для начала XX века в целом было характерно резкое усиление роли прессы как средства идеологического воздействия, как инструмента формирования, а во многом и проявления общественного мнения. Данная тенденция была осмыслена как обществом, так и правящими кругами – и получила свое развитие именно в период изучаемого конфликта, когда впервые была предпринята крупномасштабная попытка сознательного

формирования общественного мнения в нужном для «верхов» ключе. Сравнительный анализ ведущих повременных изданий Сибири и Дальнего Востока позволяет сделать вывод о целенаправленном и спланированном воздействии на общественное мнение в духе пропаганды войны.

При этом PR войны не был однозначным «произведением» правительства. «Позитивный» подход в освещении конфликта соответствовал не только позиции правящих кругов, желавших явить обществу «маленькую победоносную войну», но и настроениям в самом обществе, настроенном на легкую и быструю победу над «варварской» Японией. В итоге первоначальный отклик общества на войну – это «ура-патриотизм», негодование на врага, желание как можно быстрее его разгромить. Антияпонские, «ура-патриотические» мотивы с началом войны активно зазвучали со страниц газет, они же демонстрировались в ходе многочисленных манифестаций, демонстраций, вокально-литературных вечеров, адресов и т.д. Примером первоначального отношения к войне может служить и мобилизация. В Сибири и на Дальнем Востоке она протекала спокойно и «сочувственно», в ряде мест отмечалось большое количество добровольцев. На «ура» воспринималось создание добровольных народных дружин в Приморье, на Сахалине и Камчатке.

Отметим также, что усилия правительства по формированию общественного мнения в милитаристском духе не были безрезультатными. Тот героический ореол, который пресса создала крейсеру «Варяг», например, не только был воспринят современниками, но сохраняется и поныне. В других случаях поданная в «идеологически выдержанном» ключе информация способствовала тому, что общество даже после неудач и отступлений продолжало оставаться в плену иллюзий относительно русской армии и флота и ее военачальников. Однако общая стратегия изображения войны исключительно в «розовом цвете» оказалась для правительства губительной – когда масштабы поражений и разгрома оказалось невозможно уже более скрывать (падение Порт-Артура), общество впало в состояние шока, полностью утратив и доверие к правящим кругам, и само желание и готовность продолжать войну.

Данная тенденция усиливалась еще и тем, что война принесла населению страны, особенно Сибири и Дальнего Востока, реальные трудности. Проблемы, вызванные ею (от невозможности оказать должную помощь раненым и семьям запасных до катастрофического роста цен и продовольственных кризисов) сразу оказались в центре общественного внимания и не сходили со страниц газет всю войну. При этом в восприятии населением региона четко прослеживаются две «линии». С одной стороны, война осмысливалась в народном сознании как некий долг, требующий от воинов доблести и чести на полях сражений, а от гражданского населения – усилий по содержанию раненых, помощи семьям запасных нижних чинов и т.д. Пожертвования на эти нужды собирались в течение всей войны, даже тогда, когда она стала крайне непопулярной, и составляли значительные суммы. С другой стороны, общество явно оказалось неготовым к тем жертвам (материальным и моральным), которые война от него потребовала, критичность в отношении ее, нежелание продолжать военные действия росли не только по мере увеличения наших военных неудач, но и по мере усиления экономических трудностей. С весны 1905 г. осознание того, что война означает экономическую катастрофу для региона, стало главным аргументом за ее прекращение, и активно использовалось в идеологической борьбе сначала региональной, а позже и центральной прессой. Произошло и общее «полевение» СМИ: практически все издания, кроме откровенно монархических, стали выступать за немедленное прекращение войны и проведение внутренних реформ. В качестве главного виновника тяжелых поражений России пресса называла существующий государственный строй – таким образом, «образ врага» сместился с Японии и японцев на русское самодержавие, «япономания», подкрепляемая военным психозом и страхом потери территориальной целостности, сохранилась только на Дальнем Востоке. Таким образом, Русско-японская война наглядно

продемонстрировала, как и за счет чего, власть может потерять «кредит доверия» со стороны общества.

Положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемом издании, рекомендованном ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных результатов диссертационного исследования:

1. Воробьева, Э.А. Образ Японии и японцев в прессе Дальнего Востока и Западной Сибири в годы Русско-японской войны: сравнительный анализ / Э.А. Воробьева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Том 6, вып. 1: История. – Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2007. – С. 159-163.
2. Воробьева, Э.А. Формирование образа героя в Русско-японскую войну 1904-1905 гг. (на материалах газет «Дальний Восток», «Сибирская Жизнь», «Вестник Маньчжурской армии») / Э.А. Воробьева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. Том 7, вып. 1: История. – Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2008. – С. 141-146.

Публикации в других изданиях:

3. Воробьева, Э.А. Оборона Камчатки в Русско-японскую войну / Э.А. Воробьева // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XXI вв.: тематический сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2006. – С. 80-100.
4. Воробьева, Э.А. Основные направления формирования общественного мнения Дальнего Востока во время Русско-японской войны 1904-1905 годов / Э.А. Воробьева // История Сибири, 1583-2006. Проблемы и перспективы: сборник материалов региональной молодежной научной конференции. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – С. 113-120.
5. Воробьева, Э.А. Сибирь и Дальний Восток в феврале-июле 1904 г.: реакция общества на русско-японскую войну и возникшие в связи с ней проблемы / Э.А. Воробьева // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XXI вв.: тематический сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2007. – С. 54-74.
6. Воробьева, Э.А. Русский флот и Порт-Артур в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг.: желаемое и действительное (формирование и динамика общественного мнения) / Э.А. Воробьева // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XXI вв.: тематический сборник научных трудов. – Новосибирск: изд-во НГТУ, 2007. – С. 75-93.